

Лев Усачёв

**ЗАГАДОЧНАЯ
ЖИЗНЬ
МУРОЧКИ ЧУКОВСКОЙ**

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2016

УДК 244
ББК 86 372
У74

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р16-520-0983

Художник Е. Попкова

У74 **Усачёв Л. Д.** Загадочная жизнь Мурочки Чуковской. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 88 с.: ил.

Повествование переносит читателя в первую треть прошлого века. Тяжёлые времена — голод, нищета, разруха в Петрограде. Но в доме известного детского писателя Корнея Ивановича Чуковского (в крещении Николая) царят любовь и забота, и все невзгоды побеждает тепло большой дружной семьи.

Главная героиня повести — младшая дочь К.И. Чуковского — Мария, Мурка, Мурочка. Увлекательная книга об этой необычной девочке, которой выпало прожить на земле всего лишь одиннадцать лет, выстроена в форме диалога с читателем: в каждой главе есть загадка и отгадка. В повести ненавязчиво говорится о любви, о том, что люди должны беречь друг друга, о ценности каждой человеческой жизни.

Мастерски вплетены в ткань повествования не только стихотворения (отрывки стихотворений) самого К.И. Чуковского и его младшей дочери, но и А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, А.А. Ахматовой...

Автору книги Льву Дмитриевичу Усачёву, выпускнику философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в течение шести лет проработавшему научным сотрудником и экскурсоводом в доме-музее К.И. Чуковского в Переделкине, удалось наполнить повесть о Мурочке обаянием, высокой поэзией, надеждой и верой в то, что жизнь человека не заканчивается со смертью.

Основным источником повествования послужили дневниковые записи К.И. Чуковского.

Книга предназначена для детского и семейного чтения.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© Усачёв Л., текст, 2016
© Попкова Е., иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-88017-490-4

Загадка первая Кто родится?

В понедельник 23 февраля 1920 года у писателя Корнея Чуковского должен был родиться ребёнок. «Ах, какие звёзды! Какой пронзительный месяц на зелёном небе, — думал он, шагая по Дворцовой площади Петрограда. — Какая музыкальная ночь!..»

Корней Иванович возвращался домой после чтения лекции и, глядя на окружающую красоту, точно впервые понимал, что такое жизнь, музыка, Бог. Самый воздух, казалось, был пропитан стихами Блока:

В ночи, когда уснёт тревога
И город скроется во мгле, —
О, сколько музыки у Бога,
Какие звуки на земле!

Чуковский вздохнул и остановился перед входной дверью. Ещё днём дорожку к двери расчистил его младший сын Боба. Он усердно орудовал широкой лопатой, разгребал снег, и тоненькие ручейки воды, блестя на солнце, весело бежали вниз по мостовой. «Раньше хоть дворники были, а теперь такая

бедность! Денег нет, и дворников нет», — подумал Чуковский и открыл дверь. Дома всё было готово к появлению на свет ребёнка.

Корней Иванович аккуратно повесил в прихожей пальто и прошёл в комнату жены. Мария Борисовна в лёгкой белой косынке поверх каштановых волос лежала на диванчике, укрытая одеялом. Рядом примостились дети — Коля, Лида и Боба. В печке напротив мирно потрескивали дрова.

— Тепло ли тебе, молодница? — спросил Чуковский басом, подражая Морозу-воеводе.

Мария Борисовна улыбнулась, хотела что-то сказать, но часы в коридоре пробили полночь.

— Пора идти за акушеркой! — спохватился Корней Иванович, накинул пальто, нахлобучил шапку и, сунув в карман несколько сухариков со стола, выбежал на улицу.

При свете фонаря медленно падал снег, мягкий и праздничный, как кружевная занавеска. Внезапно из-за угла налетел ветер, началась метель. Идти стало трудно, ноги скользили, колючие снежинки слепили глаза. А Марта Фердинандовна, акушерка, жила на другом конце города.

Отыскать нужный дом и нужную квартиру удалось не сразу.

Наконец около двух часов ночи Корней Иванович пришёл с акушеркой домой.

— Чемодан можете отнести в комнату роженицы, — сказала Марта Фердинандовна, снимая шубу.

Чуковский, пыхтя и отдуваясь, втащил чемодан в комнату Марии Борисовны.

— Вот, Машенька, — выдохнул он на пороге. — Как ты?

Но строгая акушерка не дала Чуковскому договорить:

— Ступайте, ступайте. Вам тут делать нечего. Можете приготовить мне кофе.

Извинившись, Чуковский ушёл на кухню, сварил кофе и принялся грызть любимые сухарики. Он отправлял их в рот

машинально — один за другим. Потекли мучительные часы ожидания.

В эту ночь никто в квартире Чуковских не спал, за исключением Бобы, который, намаявшись за день, быстро уснул в кабинете отца. Старший сын Коля дежурил в соседней комнате. Дочка Лида то и дело подогревала для акушерки кофе. Поглядывая на дочку, Корней Иванович погрузился в горькие думы: «Как прокормить большую семью? Слава Богу, пока в доме есть и хлеб, и чай, и сахар, и сухари. Есть картошка и дрова... Но вдруг не издадут стихи или закроют издательство?.. А семья растёт... Кто же наш четвёртый?» Мечталось — сын. «Мальчик вырастет и наверняка станет поэтом или путешественником. Проживёт увлекательную, счастливую жизнь...»

**А ты, мой любезный читатель,
как ты думаешь — кто у Чуковских родится:
мальчик или девочка?**

Отгадка

Где-то вдали, за окном, негромко, но внятно запел петух. «Крик петуха здесь, в Петрограде, — откуда?» — удивился Корней Чуковский и посмотрел на часы. Было половина девятого... За стенкой послышался захлёбывающийся крик, затем плач, напоминающий мяуканье — мяу!

Мяу? — Чуковский не успел сообразить, в чём дело, как в кухню ворвался Коля, глаза у него горели:

— Девочка! Папа, у нас родилась девочка!

Загадка вторая Как назвать?

Без малого девять месяцев провела малютка в животе у мамы. Что видела она там? Что чувствовала? Было ли ей тесно, было ли темно? Бог её знает. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Мария Борисовна часто пела песни, и малютка у неё внутри поворачивалась с боку на бок, поджимала коленки к груди, двигала локотком, будто танцевала. А когда к маме подходил папа, садился рядом, обнимал её нежно и целовал горячо, сердце у малютки так и прыгало от радости.

Она родилась и с первым вздохом закричала: «Мяу!» Ей стало холодно, голодно и одиноко в большой комнате.

Плача и крича, она точно спрашивала: «Где я? Кто я? Куда попала?» Акушерка Марта Фердинандовна не собиралась

отвечать на эти вопросы. «Все младенцы одинаковы, — думала она, — красные, как раки, и кричат, как поросята». Тёплой водой она аккуратно обмыла новорождённую и передала её матери...

Мария Борисовна приняла доченьку в свои объятия, напоила грудным молоком. Согретая маминой лаской и накормленная, малютка скоро уснула.

Счастливые родители, отпустив акушерку, стали думать и гадать — как бы доченьку назвать?

**А ты, мой читатель,
как бы ты назвал девочку?**

Отгадка

Корней Иванович долго смотрел на спящую доченьку. Во сне она причмокивала, похрюкивала и как будто мурчала-мурлыкала.

— Что это с ней, Маша? — спросил Корней Иванович у жены.

Мария Борисовна с трудом улыбнулась, говорить не могла. Чуковский с любовью посмотрел на неё и воскликнул вдруг:

— Боже мой! Какая ты красивая! — Потом снова посмотрел на доченьку. — Давай назовём её Марией! Марьюшкой, Марусенькой, Мурочкой... Слышишь, как она мурлычет?

Мария Борисовна кивнула и зябко поёжилась под одеялом.

— Холодно, Машенька, холодно, — протянул Корней Иванович и, потирая руки, подошёл к печке, где догорали драгоценные дрова.

Подложил в печурку
Свеженькую чурку
И согрел дочурку
Любимую — Мурку.

Загадка третья Надо спать!

Прошло ещё девять месяцев. Рабу Божию Марию крестили во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И она стала расти быстро-быстро, как цветочек на клумбе, который вовремя полили из лейки. Кончился август, за окном начались дожди, а в середине ноября выпал первый снег. Петроградская осень, как хорошо воспитанная девочка, уступила своё место хозяйке-зиме.

Дни напролёт Корней Чуковский бегал по делам, читал лекции, добывал еду. Утром старшие дети — Коля, Лида и Боба — уходили в школу. Зато вечером вся семья собиралась в комнате Марии Борисовны, где главной была маленькая Мура. Если Корней Иванович брал её на руки, она сразу понимала, что это — папа, что можно схватить его за усы, каких нет больше ни у кого вокруг!

Чуковский нёс Мурку в свой кабинет, зажигал лампу-светлячок и показывал доченьке полюбившийся ей с лета вентилятор, приговаривая:

— Он вертится и кружится — вентилятор-вентиля! Его Мура не боится. Траля-ля-ля-ля-ля-ля!

Ох как нравилось Муре танцевать под эти стихи! Зажимая в кулачки большие пальцы папиных рук, она подпевала ему:

Паппа-папа-папа-паппа,
Папа-папа-папа-пап!

И тысячу раз подряд прыгала, прыгала, как весёлый лягушонок — то на столе, то на полу, то на табуретке. «Очень чувствительная к ритму девица», — радовался Корней Иванович. Остановить её не было никакой возможности.

Только на улице с мамой, одетая в новое пальтишко (подарок доброй соседки), Мура успокаивалась и подолгу глядела на проходящих мимо лошадей, на неясные силуэты деревьев, домов, огромного, как богатырь, Исаакиевского собора вдалеке.

— Лошадке пора спать, — обыкновенно говорила мама, унося дочку домой.

Голодный Чуковский встречал их на пороге.

— И папе пора спать, — замечала Мария Борисовна, глядя на него и раздевая Мурочку.

Со двора доносился собачий лай. Мура опять тянулась на улицу, к собачкам. И только когда лай прекращался, Мура успокаивалась.

— И лошадка спит, и собачка спит, — повторяла Мария Борисовна.

— И вентилятор спит, и аппетит у папы спит, — посмеивался Корней Иванович.

Надо спать,
Не зевать,

Чтобы завтра не кричать,
Не мешать
Маме спать!

Мой дорогой читатель,
отгадай:
кто сочинил эти стихи?

Отгадка

Родные звали его Бобой, настоящее имя — Борис. Это он сочинил для сестрёнки стихи. Дело было в декабре, шестого числа. Боба, подражая Корнею Ивановичу, взял Мурку на руки, пошёл с ней по лестнице, оступился и упал. Мура ушибла спинку, повредила крестец. Боба так переживал, что сам заболел — скарлатиной. Вызвали доктора. Тот пришёл вечером и спросил:

— Где больной? На что жалуется?

Чуковский ответил стихами:

Лягушонок под тиною
Заболел скарлатиною.
Прилетел к нему грач,
Говорит:

«Я врач!

Полезай ко мне в рот,
Всё сейчас же пройдёт!»

Ам! И съел.

Доктор не понял шутки, обиделся и скоро ушёл, не выписав Бобе лекарство и не осмотрев Мурину спинку. Спинка очень болела, и Мура плакала до самой ночи.

Тогда-то Боба и сочинил стихи, которые помогли Мурочке уснуть.

Загадка четвёртая Надо, надо умываться!

Как-то утром, после чая, всё семейство Чуковских пыталось научить Мурку садиться на горшочек — на чашечку. Мария Борисовна объясняла:

— Лошадка — на чашечку. Собачка — на чашечку.

Корней Иванович продолжал:

— И кошечка на чашечку, и вентилятор на чашечку.

Мура не слушалась. Тогда Боба смерил взглядом большой пузатый самовар, стоявший на столе, и сказал строго:

— Смотри, сестра, наш самовар всегда делает на чашечку.

Он отвернул кран у самовара и налил в чашку горячей воды. Лёгкое облачко пара поднялось к потолку.

Мурка засмеялась и села на горшок. То-то рада, то-то рада вся Чуковская семья!

— Ай да Мура! Ай да Мура! Ай да умница моя! — запел Корней Иванович, поднимая дочку с горшка. — Теперь давай руки вымоем.

Но Мурочка — ей очень понравилось сидеть на горшочке, — заупрямилась вдруг. Мыть руки не захотела. Что делать?

«Шлёпс-по-попс», — решил Корней Иванович и взглянул на жену. Она напряглась, вытянулась от волнения. Вот-вот последует страшное наказание за непослушание. Дети тоже затаили дыхание. Старший, Коля, не раз получал от папы это самое «шлёпс-по-попс». Больно не было, зато как обидно!

А Мура, что сделала Мура? Ничего не подозревая, она крепко схватила Корнея Ивановича за усы, и сердце у него дрогнуло. Он очень любил дочь, очень привязался к ней за последние месяцы.

— Пойми, — сказал он строго. — Надо, надо умываться по утрам и вечерам, а нечистым трубочистам — стыд и срам! Стыд и срам!

Сказанные в рифму слова подействовали на Муру лучше всякого наказания, а Чуковский через несколько дней сочинил для дочери целую сказочную историю в стихах.

**Догадливый читатель, вероятно,
понял, о какой сказке идёт речь.**

Отгадка

Просидев за письменным столом не одну ночь, Корней Чуковский сочинил для дочери сказку, главным героем которой — великий умывальник, знаменитый Мойдодыр.

И Мурочка, когда подросла немного, так полюбила Мойдодыра, что каждый Божий день просила папу:

— Папа! Дай Моньдондынь! Дай Моньдондынь! — твердила, пока не выучила сказку наизусть.

Особенно полюбились ей строчки:

И сейчас же щётки, щётки
Затрещали, как трещотки...

Незнакомое слово «трещотки» Мура переделала на свой лад. Это очень смешило взрослых. Мура говорила так:

И сейчас же щётки, щётки
Затрещали, как три тётки...

Загадка пятая Ахматова

Жили Чуковские небогато. Время тогда было тяжёлое, послевоенное. Голод, нищета, разруха в городе. Многие магазины, аптеки, склады закрыты. Где раздобыть лекарство? Где достать дров для печки? Разбирали заборы на растопку; распиливали мебель — столы, стулья, кровати; бросали всё в огонь. У бедной Мурки — поверить, конечно, трудно — любимой игрушкой была обгорелая спичка!

За продуктами, за картошкой и зерном, тянулись длиннющие очереди. Бывали дни, когда Корней Иванович по десять часов стоял в очереди за манной крупой для дочери. Нередко ему помогали друзья поэты: они угощали Чуковского не только стихами. Николай Гумилёв разделил с ним последний ломоть хлеба...

Анна Ахматова однажды, когда Чуковский был у неё в гостях, подарила ему удивительно вкусную вещь.

— Корней Иванович, подождите! — сказала она. — Это для вашей... Мурочки.

Порывистое движение руки — и многодетному папе досталась большая жестяная банка «Nestle», в которой хранилась питательная мука из Англии. Изголодавшимся жителям Петрограда такая мука казалась дороже бриллиантов.

— Что вы, это никак невозможно! — запротестовал Чуковский. — Вам самим есть нечего. Да я ни за что, никогда...

Как ты думаешь, мой добрый читатель,
что сделала Анна Ахматова?

Отгадка

Анна Андреевна захлопнула дверь перед самым носом Корнея Ивановича и, сколько он ни звал, сколько ни стучал в дверь, не открыла ему. Она сочиняла стихи.

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

Загадка шестая Мурин день рождения

Бережно, как хрустальную вазу, несёт Чуковский банку «Nestle» по Кирочной улице. Дома любопытные дети окружают его, закидывают вопросами, как снежками:

— Откуда эта банка, папа? Что там? Сахар? Конфеты?

Корней Иванович произносит загадочно:

— Банка из Англии, от ея величества, от Анны Ахматовой в дар. Лида, включи электричество, Коля, поставь самовар!

И вот, довольные и счастливые, все сидят за круглым столом на кухне.

Маленькая Мура (ей скоро исполнится два года), сама держит ложку, с аппетитом доедает вкусную мучную кашу. Доест — потребует у старшей сестры добавку:

— Да!